

гіознымъ куполомъ, не приближаемся мы, наоборотъ, удаляемся отъ истоковъ подлинной христіанской культуры: кормчимъ современной культуры, держащимъ путь въ Виолеемъ, некогда впадать у руля корабля въ религіозные экстазы; рулевые, страдающіе экстазами, не могутъ быть рулевыми: иначе корабль, управляемый ими, преждевременно сядетъ на мель.

Въ современной, по существу внѣрелигіозной, культурѣ мы встрѣчаемъ людей какъ религіознаго, такъ и внѣрелигіознаго сознанія: какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ условіемъ плодотворности ихъ текущей, такъ сказать предварительной работы, есть кропотливое изученіе деталей ими выбраннаго пути. Въ этой работѣ они ни религіозны, ни нерелигіозны: стѣны все той же необходимой тюрьмы ограничиваютъ ихъ кругозоръ. И потому-то религіозное нападеніе на работниковъ, пролагающихъ пути современной культуры, будь они учеными, философами, поэтами или общественными дѣятелями, есть всегда нападеніе съ негодными средствами: кромѣ того оно предполагаетъ непомѣрную, себялюбивую гордыню со стороны нападающихъ. Занесенный надъ головою культуры крестъ въ такомъ случаѣ не отличается отъ дикарскаго томагавка.

Въ исторіи культуры видимъ мы только рядъ невообразимыхъ смѣшеній; и первые вѣка христіанства составляютъ для насъ, пожалуй, единственное исключеніе. Сверху господствовалъ Римъ; а подъ Римомъ — катакомба; въ катакомбахъ протекала подлинная религіозная жизнь. На поверхности же земли мы встрѣчаемъ тогда нѣмой символъ, *рыбу* и все краснорѣчіе аристотелевой мудрости. Аристотель господствовалъ въ *мирѣ семъ*, а Христосъ — въ катакомбѣ. Далѣе видимъ мы какъ разъ обратное. Христіане поднимаются изъ катакомбъ, поселяются въ роскошныхъ языческихъ виллахъ, а гонимые язычники опускаются въ катакомбу: въ результатъ многократныхъ перемѣщеній мы имѣемъ не союзъ государства и Церкви, основанный на разграниченіи сферъ вліянія: не дальнѣйшее процвѣтаніе Аристотелей и Софокловъ культуры параллельно съ *катакомбой*, покрывающей подземную глубину нашей жизни. Нѣтъ, мы встрѣчаемся съ печальнымъ явленіемъ: доселѣ молчаливый пустынный начинаетъ состязаться съ Аристотелемъ; Аристотель же объясняетъ намъ тайны иныхъ міровъ. Въ результатъ мы утериваемъ и все достигнутое религіозно, и все, дости-